

Iryna Lazarenko

Structure of religious organizations in Ukraine: topicality of sociological research

The article analysis some theoretical developments on functionality of religion, religious organizations and structures of modern research on these issues. It turns out theoretical, methodological and empirical sociological research potential in solving the problems of religious organizations in Ukraine.

Keywords: religion, religious organization, functional capacity, church, denomination, sect, cult.

Надійшла до редакції 11.02.2015 р.

УДК 82.0

© Людмила Комарницкая
(Каменец-Подольский)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ НОВОГО ЗАВЕТА (АКСИОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ)

В статье рассматриваются аксиологические аспекты трансформации евангельского сюжетно-образного материала в универсальном контексте. Осмысливаются формы и способы переосмысления новозаветных структур в общекультурном универсуме. Анализируются теоретические аспекты функционирования фантастических трактовок новозаветного материала в мировой литературе. Рассматриваются интегральные и дифференциальные характеристики традиционных образов и мотивов.

Ключевые слова: евангельские мотивы, традиционные сюжеты, миф, архетип.

Актуальность исследования. В свое время И.Франко вполне справедливо заметил, что “Библию тоже можно считать сборником мифов, легенд и психологических мотивов, которые в самой Библии обработаны тем или иным образом, но сегодня они могут быть переосмыслены совсем по-другому, в соответствии с нашими взглядами на мир и человеческую природу” [22, с.264]. История мировой литературы и культуры в целом убедительно подтверждает сказанное, потому что среди многочисленных традиционных сюжетов, образов и мотивов разных генетических групп бесспорное лидерство по количеству обращения к ним писателей принадлежит библейскому материалу. Наиболее распространенным в контексте рассматриваемой актуальной **проблемы** является прием “нефантастической фантастики”.

Цель статьи определяется углубленным исследованием традиционного сюжетно-образного материала в мировом общекультурном контексте.

Задание исследования предполагает не только учет сложившихся и в определенном смысле “канонизированных” общекультурной традицией концепций и постулатов, но и, в большей степени, осмысления содержательного влияния на трансформацию материала поэтики фантастического.

Уровень разработки проблемы. В пределах данной работы нет необходимости рассматривать всю сложность экзистенциальной коллизии, тем более что многие ее стороны уже исследованы учеными. В то же время требует анализа до сих пор не получившая должного осмысления в науке проблема трансформации библейского сюжетно-образного материала в фантастике.

Следует подчеркнуть, что фантастические трактовки новозаветного материала в ряде случаев принципиально “взрывали” религиозные каноны, однако подобная трансформация определялась отнюдь не атеистическими соображениями.

Новизна статьи определяется следующим обстоятельством: фантастика пытается дать художественно-логическое объяснение тому сверхъестественному контексту Нового

Завета, который во многом определяет восприятие культурного памятника в целом. Наконец, фантастические мотивировки, активно оперирующие псевдонаучными аргументами и мотивировками, в известном смысле трансформируют ирреальное в реалистическое. Специфическая поэтика жанра предоставляет существенную свободу авторскому воображению, которое ориентируется на универсальность осмысления каких-то общеизвестных ситуаций и проблем.

Изложение основного материала. Попытка моделирования новозаветных коллизий, осуществляемая фантастикой с точки зрения принципа “а что, если...”, в значительной степени предопределяет характер переосмысления материала. При этом фантасты активно используют прием “религиозной космизации”, мотив временного переноса, принцип альтернативных онтологических контекстов, переносят земные коллизии на инопланетное пространство и т.п. Этим достигается преодоление стереотипов и догм, осуществляется постановка своеобразных мысленных экспериментов, осмысление философских аспектов самого феномена веры в его многообразных проявлениях. В качестве эпиграфа к фантастическим трактовкам новозаветного материала вполне можно было бы поставить своеобразную молитву К.Воннегута: “Господи, дай мне душевный покой принять то, что я изменить не могу, силу – чтобы изменить то, что могу; и разум – чтобы всегда отличить одно от другого” [7].

Трансформация евангельского сюжетно-образного материала в литературе осуществляется по тем же направлениям, что и большая часть традиционных структур разных генетических групп. Так, например, весьма необычно используется содержательный комплекс образа Иисуса Христа в романе-притче А.Кима “Отец-лес”, в котором Иисус осмысливается как космический пришелец. Тема Христа разрабатывается в романе в тесной связи с образами Деметры и Пана, мотивами славянского фольклора, языческими обрядами. Отец-лес воспринимается как емкая метафора Единого Человечества со всеми его трагическими противоречиями. Христос – Звездный Гость, утверждает автор, покинул греховное человечество, но он еще вернется и к его приходу “на земле вырастет новый Лес, благоухающий без гнева и зла” [11, с.400]. Функционально активный и содержательно значимый в романе прием “космизации” Иисуса Христа (он – демиург, символическая материализация космической энергии) активно и многопланово используется в фантастических жанрах.

Подобные версии легендарно-мифологических текстов, благодаря оригинальным сюжетным ходам и мотивировкам, придают общеизвестному материалу неожиданное звучание, заставляют читателей по-новому взглянуть на привычное, канонизированное. Этот уровень освоения семантики евангельских структур усложняется, как отмечалось выше, в получившем широкое распространение принципе религиозной космизации и религиозной мифологизации, сущность которого заключается в признании реальной основы традиционных структур, с одной стороны; замене идеи Бога констатацией многократного или одномоментного активного вмешательства инопланетных цивилизаций в земные дела – с другой.

Данные направления исследования загадочного, сверхъестественного (оставим в стороне вопрос об их научной состоятельности и достоверности) оказали существенное влияние на общекультурное сознание XX века, в известном смысле определили проблемно-тематическое своеобразие современной фантастики. Фантастические интерпретации традиционного сюжетно-образного материала активно способствуют процессу рационализации мифов, событийно-семантические доминанты которых объективируются при включении в их содержательную структуру реальных научно-технических знаний и исторических сведений.

Многочисленные фантастические трактовки евангельского сюжетно-образного материала часто являются своеобразными “иллюстрациями” отмеченного выше. Так, в рассказе Р.Брэдбери “Человек” на неведомой планете земляне сталкиваются с эффектом “присутствия” Христа, вследствие чего жизнь нового мира принципиально изменилась. Земляне, услышав рассказы инопланетян о незнакомце, способном творить чудеса, пытаются найти его, однако

всегда опаздывают: он перемещается с места на место, рождая легенды.

В таком контексте вполне справедливо, думаю, замечание Э.Фромма: “Довольно просто понять, что бог – это символ человеческой потребности в любви”. В повестях Г.Макгила “Последняя схватка” и “Армагеддон 2000” в соответствии с традициями жанра мистической фантастики исследуются драматические ситуации противоборства Иисуса Христа и Антихриста после второго пришествия в человеческий мир Богочеловека.

В романе Р.Силверберга “Вверх по линии” и рассказе Г.Килуорта “Пойдем на Голгофу!” путешественники из далекого будущего отправляются в прошлое, чтобы увидеть распятие Христа. Так, например, формальная интрига рассказа “Пойдем на Голгофу!” основана на временном переносе: агентство путешествий во времени отправляет из будущего группы туристов, желающих провести отпуск в заказанном ими прошлом. Семья Симона Фалька решает посетить эпоху Иисуса Христа. Перед отправкой в прошлое они прослушали инструктаж священника, смысл которого заключается в том, что путешественники во времени должны вести себя в строгом соответствии с реакцией толпы, описанной евангелистами. В конце рассказа выясняется, что вся истерическая толпа, собравшаяся у стен дворца прокуратора, состоит из таких же путешественников во времени, которые добросовестно играют роль иудеев: “Здесь нет иудеев. Нет местных жителей. Одни мы. Туристы. Осознаешь ли ты тяжесть преступления, которое мы совершили? На наших плечах – вина всего человечества!.. Мы распяли Сына Божьего! И то же самое сделает следующая экскурсия и все остальные...” [10, с.198].

Версия Г.Килуорта перекликается с концепцией рассказа Ч.Оливера “Звезда над нами”, в котором провозглашается основополагающий принцип перемещений человека во времени: “Первое правило путешественника во времени гласит: будь таким же, как все” [10, с.153]. Сходный онтологический кодекс аргонатов хроноса утверждается и в романе Дж.Финнея “Меж двух времен”: “Не вмешивайся в события. Наблюдай за ними, проходи через них, но не стань причиной какого-либо события и не помешай свершению какого-либо события”. В данном случае все ограничения вводятся для того, чтобы путешественник во времени своими действиями – умышленными или случайными – не изменил ключевой момент общечеловеческой цивилизации.

Временной парадокс рассказа (его не следует путать с хроноклазмом – А.Н.) является той гносеологической детерминантой, которая выполняет в содержательной структуре повествования кассандровскую и ценностную функции одновременно. Своим знанием прошлого и логикой будущего путешественники невольно вторгаются в события другой эпохи и творят это прошлое в соответствии с каноническими текстами. Герои рассказа А.Порджеса “Спаситель” уничтожают машину времени, потому что один из них задумал величайшее преступление против истории человечества: “...этот человек захватил с собою магазинную винтовку и пять тысяч патронов. Он собирался, не более и не менее, а именно освободить Иисуса Христа из рук римских легионеров. Короче говоря, предотвратить распятие... А что тогда? Последствия могли быть ошеломляющими. Если отбросить христианскую догму, утверждающую, что Иисус должен был умереть за наши грехи, какое воздействие это оказало бы на будущее, на весь ход истории, как светской, так и религиозной? Может быть, Иисус сам не дал бы этому безумцу спасти себя, но разве можно быть уверенным в этом?” [3, с.156]. Идея временного единства мира, на которой основан мотив путешествий во времени, получает в этих произведениях принципиальное онтологическое звучание, вынуждая героев задуматься над проблемой нравственной ответственности индивидуума за судьбу своей цивилизации.

Парадоксальная интерпретация евангельских мотивов разрабатывается в рассказе П.Буля “Когда не вышло у змея”, в котором семантика образа Иисуса Христа содержательно пересекается с ветхозаветным мифом о грехопадении первых людей и мотивом бессмертия в его пессимистической интерпретации. Оригинальность версии заключается прежде всего в том, что отказ людей вкушать плоды с дерева познания добра и зла автоматически дает им практическое бессмертие, что в свою очередь разрушит порядок и гармонию во Вселенной.

Многочисленные попытки Бога реализовать библейский миф о грехопадении закончились безрезультатно, поэтому он посылает на Землю своего Сына, который до этого “искупал человеческие грехи не менее трех миллиардов раз...” [6, с.393]. В конце рассказа выясняется, что восстановление гармонии Вселенной оказалось возможным только благодаря человечности и любви Иисуса Христа к людям. В рассказе Р.Брэдбери “Огненные шары” не знают первородного греха обитателя Марса (сравни: Ф.Достоевский «Сон смішного человека»).

В романе М.Муркока “Се Человек!” моделируется ситуация распятия в I в. н.э. путешественника во времени из XXI века, которого позднее те же люди обожествляют. “Истощение” данного направления фантастической интерпретации евангельских образов можно обнаружить в рассказах М.Дель Рея “Последний истинный бог”, Р. Янга “Сын робота”, Д. Браннера “Иуда”, в которых осуществляется “роботизация” евангельских персонажей: в рассказе Р.Янга робот пытается создать механического Христа; у Д.Браннера человек разрушает обожествленного робота, богом объявляется попавший на другую планету земной робот в рассказе Дель Рея.

Количество подобных примеров можно значительно увеличить, но уже из упомянутых произведений вполне видно основное направление переосмысления классических структур в фантастике: космическими пришельцами оказываются атланты (А.Шалимов “Возвращение последнего атланта”), Д.Микуличич “Пела, священная змея”, Н.Руденко “Волшебный бумеранг”); скандинавские легенды творят сотрудники кинотреста (Г.Гаррисон “Фантастическая сага”); оказываются мутантами древнегреческие мифологические персонажи (М.Лейнстер “По ту сторону пещеры Сфинкса”).

Сходным образом могут твориться и боги других мифологических систем. В рассказе, например, Х.Лампо “Рождение бога” в результате катастрофы космического корабля астронавт переносится в далекое прошлое и воспринимается людьми как спустившийся на Землю бог Кецалькоатль. Следует подчеркнуть, что данный прием не является открытием писателей XX в.; в известном смысле он ими заимствован из обрядово-ритуальных традиций прошлого и соответствующим образом псевдонаучно трансформирован.

Довольно часто евангельские образы или ситуации играют роль своеобразных этических моделей-эмблем, призванных дать однозначную оценку каких-то событий. Так, на уничтоженную термоядерной войной Землю перед последним человеком является осуждающий и страдающий Христос (В.Рыбаков “Зима”); в романе Р.Хайнлайна “Чужой в чужой земле” марсианский вариант христианства отвергается землянами, а новоявленный мессия погибает от рук разъяренной толпы (сравни несколько иной вариант марсианского Христа в рассказе Р.Брэдбери “Мессия”).

В рассказе Г.Гаррисона “Смертные муки пришельца” на планету Вескера прилетает проповедник, решивший обратить ее обитателей в христианство. Вескеряне, склонные к постижению истины во всех ее многообразных конкретно-чувственных проявлениях, требуют от священника сотворения чуда. Не удовлетворенные абстрактно-уклончивыми ответами, они распинают его на кресте и ожидают воскресения.

Космическая Голгофа американского писателя не есть просто интеллектуальная игра или тем более пародия на евангельскую ситуацию. По своей содержательной направленности она имеет глубокий философский смысл: нельзя вторгаться в чужой мир, основным принципом которого являются природная естественность и ориентация на практический смысл с абстрактными, далекими от реальной жизни постулатами. В фантастическом рассказе К.Маклина “Необыкновенное жертвоприношение” инопланетные туземцы совершают Обряд Повешения, который вызывает очевидные ассоциации с евангельским распятием.

Инопланетный вариант евангельской коллизии разрабатывается и в рассказе К.Саймака “Ван Гог Космоса”, герой которого нарисовал распятие Иисуса Христа, а после его смерти жители планеты, выполняя последнюю волю землянина, соорудили холм и распяли на нем тело умершего. Сама идея веры в моделируемом далеком будущем воспринималась как анахронизм, но в рассказе она получает сложное квазинаучное объяснение.

Тема космических миссионеров приобретает все большее значение в современной фантастике (К.Маклин “Необычное жертвоприношение”, П.Андерсон “Проблема боли”, Д.Блиш “Дело совести”). Следует подчеркнуть, что для фантастики последних десятилетий религия является не формальной темой, а общезначимой проблемой, которая требует специфических подходов и особых художественных средств. “Божественная комедия”, созданная объединенными усилиями фантастов многих поколений, чрезвычайно сложна и противоречива: в ней есть свои Творцы мироздания, Ад и Рай, Чистилище, взаимопересекаются фундаментальные религиозные проблемы и др.

Разрабатывая свой вариант космической Голгофы, К.Саймак противопоставляет рациональное и образное восприятие мира, отказывает человеческому разуму в абсолютной непогрешимости в оценках каких-то проявлений материального мира: “Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам и вы получите нечто полезное для жизни. Подобно тому как давным-давно Человек, очистив от насмешек такое явление, как полтергейст, открыл механизм полтирования и стал перемещаться из одной солнечной системы в другую... То же самое Человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими парапсихологическими явлениями, но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под ней это самое рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности” [21, с.435-436]. В финале рассказа обитатели планеты распяли землянина, ошибочно считая, что тем самым они исполняют его сокровенное желание: “...все это они делали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими на это время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, что они совершили с такой любовью” [21,с.434]. В “Сне смешного человека” Ф.М.Достоевского герой тоже попадает на планету, которая не знала первородного греха и нарушает гармонию инопланетного мира, однако данная ситуация имеет откровенно “игровое” звучание (сон персонажа) (смотри также: С.Лем “Фиаско”, К.Сиодмак “Целебная сила греха”).

Мир Нового Завета полон удивительных происшествий и событий, которые активно влияют на судьбы отдельных людей и определяют эволюцию всего мироздания. Сказания евангелистов пестрят сообщениями о многочисленных чудесах, которые творил в разные периоды своих странствий Иисус Христос. Такие сообщения были необходимы для подтверждения божественной сущности Мессии, его способности творить то, что подтверждало бы божественное избранничество. Нет смысла перечислять новозаветные ситуации, в которых Иисус демонстрировал свою нечеловеческую мощь, их слишком много, поэтому отметим только наиболее известные, демонстрирующие власть Мессии над болезнями, над природой, над смертью:

1) Власть над природными силами: прекращение бури (Матфей, 8:23-27; Марк, 4:35-41; Лука, 8:22-25), чудесный улов рыбы (Лука,5:1-11; Иоанн, 21:6), превращение воды в вино (Иоанн, 2:1-11), чудо с хлебами и рыбами (Матфей, 14:15-21; Марк, 6:34-44; Иоанн, 6:1-14, Марк, 8:1-9), хождение по водам (Матфей, 14:22-23; Марк, 6:45-52; Иоанн, 6:19) и др.

2) Физическое исцеление людей: паралитик (Матфей, 9:2-8; Лука, 5:18-26; Марк, 2:3-12), прокаженный (Матфей, 8:2-4; Марк, 1:40-45; Лука, 5:12-15), слепой (Марк, 8:22-25; глухонемой (Марк, 7:31-37) и т.п.

3) Воскрешение из мертвых: сын вдовицы (Лука, 7:11-15), дочь Иаира (Матфей, 9:18-26; Марк, 5:35-43; Лука, 8:41-56), Лазарь (Иоанн, 11:1-44).

Герой повести М.Уэста “Адвокат дьявола” следующим образом формулирует принципиально значимые онтологические аспекты самого феномена воскрешения: “Что чувствовал он в эти минуты?.. Какую цену заплатил он за возвращение в мир живых? Осознавал ли свою ущербность, ибо от роз веяло на него гнилью, а каждая девушка виделась волочащим ноги скелетом? Или, наоборот, шагал по земле, зачарованный новизной вновь обретенной жизни, с сердцем, полным любви и жалости к человеку?”.

Отмеченные аспекты в различных вариантах разрабатываются писателями XX в., которые в своих версиях акцентируют внимание на абсолютной невозможности гармонического возвращения умершего в живой человеческий мир. Иными словами,

литературные трактовки, например, “феномена Лазаря” утверждают онтологическую ущербность индивидуального человеческого бытия, лишённого духовного начала.

В литературе XX в. довольно широкое распространение получили версии, в которых евангельская коллизия подвергается демифологизации, обусловленной какими-то бытовыми ситуациями или прагматическими расчетами. Так, в драме С.Черкасенко “Цена крови” ситуация Лазаря была мистифицирована Иудой, который хотел таким образом убедить окружающих в божественной природе Иисуса. В романе В.Короткевича сильное опьянение Лазаря было истолковано людьми как его смерть (следует заметить, что трактовка многих новозаветных ситуаций носит подчеркнuto травестированный характер, обусловленный авторской сверхзадачей, ориентированной на использование славянских легенд о “мужицком Христе”).

Совершенно отсутствует сакральный подтекст в трактовке истории Лазаря в повести С.Эрдега “Безымьянная могила”. О тяжелой болезни Лазаря рассказывает Луке Мария Магдалина, она же подробно описывает “воскрешение” своего брата (для усиления сюжетной линии “Мария Магдалина-Иисус Христос” С.Эрдег умышленно нарушает канонические родственные связи. – А.Н.): “Из лимона выжал сок на краешек полотенца, смочил им сухие губы и покрытый налетом язык Лазаря, потом взял уксус, окунул в него другой краешек полотенца, поднес его к носу Лазаря и прошептал: очнись, друг мой, ты должен очнуться. Немного погодя, веки Лазаря дрогнули, Иисус стал разминать ему грудь, и Лазарь начал шумно дышать, и глаза его открылись” [24, с.187]. Обилие бытовых деталей в этой сцене заведомо исключает канонический подтекст в данной ситуации. Кроме отмеченных версий, следует отметить трактовки евангельской коллизии, в которых новозаветный персонаж получает символическое значение и звучание (воскресение Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф.М.Достоевского; смотри также: А.Холланек “Лазарь, воскресни!”, Х.Алчевская “К.Лазарю”).

Выводы. Для литературы XX в. традиционным все же остается использование данной коллизии для создания сложного символического подтекста, который формируется при содержательном взаимодействии канонических текстов с реалиями и нравственно-психологическими представлениями современной эпохи. Следует учитывать и то обстоятельство, что использование культурой XX в. евангельского сюжетно-образного материала носит подчеркнuto секуляризированный характер, так как осознание самоценности человеческого “я” неизбежно приводит к доминированию мысли о самостоятельности этого “я”, его независимости от каких-то надчеловеческих начал. Один из непреложных законов человеческой онтологии Б.Уильямс сформулировал следующим образом: “Неизбежно то, что смерть наступает либо слишком рано, либо слишком поздно. ...мы все еще имеем эту счастливую возможность – умереть” [23, с.442]. Вполне очевидно, что “феномен Лазаря” в его литературных интерпретациях является вполне убедительной художественной “иллюстрацией” негативного вторжения в человеческую жизнь и утверждает непреложность возмездия за покушение на законы самой природы.

Литература

1. Антология сказочной фантастики / [составитель: Елена Вансилова]. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384 с.
2. Багно Вс. Ясновидение былого и чудесного / Всеволод Багно // Книга песчинок: Фантастическая проза Латинской Америки. – Л.: Худож. лит., 1990. – С. 5-16.
3. Белозеров С.В. От составителя / Сергей Белозеров // Чего стоят крылья: Сборник фантаст. произв. совр. заруб. писателей. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 5-28.
4. Брэдбери Р. Сборник научно-фантастических произведений / Рэй Брэдбери. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 574 с.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / Булгаков М.А. / Пьесы. Романы. – М.: Правда, 1991. – С.377-762.
6. Буль П. Когда не вышло у змея / Пьер Буль // Чего стоят крылья: Сборник фантаст. произв. современ. зарубежных писателей. – М.: Сов. Россия, 1989. – С.364-398.
7. Гаков Вл. Мудрая ересь фантастики / Вл. Гаков // Другое небо: Сборник зарубеж. науч. фантастики. – М.: Политиздат, 1990. – С. 8-42.
8. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека / Достоевский Ф.М. // Повести и рассказы: В 2-х т. Т. II. – М.: Худож. лит., 1979. – С. 425-446.

9. Другое небо: Сборник зарубеж. научн. фантастики [составитель: Вл. Гаков]. – М.: Политиздат, 1990. – 574 с.
10. Килворт Г. Пойдем на Голгофу! / Гарри Дуглас Килворт // Последнее новшество: Сборник. – М.: Профиздат, 1991. – С.185-198.
11. Ким А. Отец-лес: роман-притча / А.А. Ким. – М.: Сов. писатель, 1989. – 400 с.
12. Кьеркегор С. Страх и трепет / С.Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
13. Лем С. Солярис. Непобедимый. Звездные дневники Ийона Тихого / С.Лем. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
14. Нямцу А.Е. Миф и легенда в мировой литературе: Теоретические и историко-литературные аспекты традиционализации. Часть первая / А.Е. Нямцу. – Черновцы: ЧГУ, 1992. – 160 с.
15. Нямцу А.Е. Новый Завет и мировая литература / А.Е. Нямцу. – Черновцы: ЧГУ, 1993. – 243 с.
16. Нямцу А.С. Загальнокультурна традиція у світовій літературі / А.С. Нямцу. – Чернівці: Рута, 1997. – 223 с.
17. Нямцу А.Е. Мир Нового Завета в литературе / А.Е. Нямцу. – Черновцы: Рута, 1998. – 108 с.
18. Нямцу А.Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А.Е. Нямцу. – Черновцы: Рута, 2007. – 520 с.
19. Нямцу А.Е. Русская литература в контексте мировых традиций: Учебное пособие/ А.Е. Нямцу. – Черновцы: Черновицкий нац. ун-т, 2009. – 424 с.
20. Руссо Д. Ночь живых мертвецов. Нелюди; Сондерсон М. Бедствие. Вып. 2. / Д. Руссо, М. Сондерсон. – М.: Компания “Ключ-С”, 1992. – 480 с.
21. Саймак К. Роковая кукла / К. Саймак. – Баку: Концерн “Олимп”, 1993. – 480 с.
22. Франко І. Зібрання творів / І. Франко. – Київ: Наукова думка, 1979. – Т.21. – 374 с.
23. Уильямс Б. Случай Макропулос: Размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / [сост. и послесл. П.С. Гуревича, общ. ред. Ю.Н. Попова]. – М.: Прогресс, 1988. – С. 420-442.
24. Эрдег С. Безымянная могила / Сильвестр Эрдег // Иностранная литература. – 1998. – № 5. – С. 151-217.
25. Фрай Нортроп. Великий код: Библия і література / Н.Фрай. – Львів: Літопис, 2010. – 362 с.

Lyudmila Komarnicka

Art model New Testament (axiology transformation)

In the article are risen axiological aspects of the transformation of the Gospel story-shaped material in a universal context. Conceptualized forms and ways of rethinking the New Testament structures in the general cultural universe. The theoretical aspects of the fantastic interpretations of the New Testament material in the world literature. Discusses integral and differential characteristics of traditional images and motifs.

Keywords: evangelical motives, traditional stories, myth, archetype.

Надійшла до редакції 4.03.2015 р.